

Азаров В.А.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

В статье рассматриваются спорные вопросы процессуального положения ключевой фигуры уголовного судопроизводства – следователя.

Следователь традиционно считается (и фактически является) ключевой фигурой досудебного уголовного производства. Именно данный участник уголовного процесса на предварительном этапе его производства наделен широким диапазоном властных полномочий, позволяющих решать задачи, поставленные государством в этой сфере правоохранительной деятельности.

На протяжении сорока лет (1961-2001 гг.) правовое положение российского следователя оставалось относительно стабильным, а его отношения с начальником следственного отдела, появившимся в 1965 году, складывались достаточно ровно. Во многом этому способствовала редакция ст. 127' УПК РСФСР, позволявшая следователю не соглашаться с указаниями начальника, если их содержание вступало в конфликт с внутренним убеждением следователя. Тогда определенные указания начальника следователь, представивший свои возражения прокурору, мог не выполнять, ожидая «последнего слова» прокурора. Описанная схема отношений следователя и его начальника представляется нам оптимальной для того времени, поскольку она сохраняла следователю возможность самостоятельно определять стратегию расследования уголовного дела, принимать по нему, исходя из своего внутреннего убеждения, узловое решение.

Ситуация кардинально изменилась с принятием в 2001 году УПК Российской Федерации. Причем анализ последних (2001-2007 гг.) усилий законотворческих органов, по нашим оценкам, однозначно свидетельствует об отсутствии у законодателя взвешенной, научно обоснованной концепции реформирования как досудебного производства в целом, так и процессуального статуса следователя в частности.

Комментаторы УПК РСФСР традиционно связывали процессуальную самостоятельность следователя с ч. 2 ст. 127, фиксировавшей **перечень решений, отданных законом в абсолютные прерогативы следователя.** В частности, **исключительно следователь**, исходя из своего внутреннего убеждения, привлекал лицо в качестве обвиняемого, квалифицировал преступление, определял объем обвинения, прекращал дело или направлял его для предания обвиняемого суду. **Именно эти решения при производстве по уголовному делу являются стратегическими, они определяют его судьбу** и в конечном счете – исход. Если следователь по перечисленным вопросам расходился во мнении с прокурором или начальником следственного подразделения, **УПК РСФСР (ст. 127 и 127')** «**принимал сторону» следователя**, позволяя последнему не выполнять данных ему в этой части указаний до решения вышестоящего (или надзирающего) прокурора. Данное положение позитивно оценивалось исследователями проблемы процессуальной самостоятельности следователя.

С энтузиазмом восприняли заинтересованные российские юристы идеи Концепции судебной реформы в Российской Федерации, которая в ранг программных положений возвела мысль о недопустимости процессуального подчинения следователя начальнику следственного подразделения и обеспечение независимости следователя в действиях и решениях по уголовному делу. Воодушевляли высказывания председателя Комитета по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ Е.Б. Мизулиной о том, что «нельзя одинаково оценивать эффективность работы следователя, прокурора и судьи: следователь и судья имеют особый статус, не относящийся к сторонам»¹, что само по себе абсолютно верно: следова-

тель, исходя из его предназначения в российском уголовном процессе, призван предварительно (до суда) выявить и исследовать все обстоятельства происшедшего криминального события, найти и зафиксировать как обвинительные, так и оправдательные доказательства.

Вышеприведенные позиции парламента и представителей законодательных органов России ввергли юридическую общественность страны в некое эйфорическое состояние, закончившееся сразу же после принятия и опубликования УПК РФ, где идея процессуальной самостоятельности следователя была интерпретирована весьма своеобразно: у него отобрали право по собственному убеждению (вопреки мнению начальника следственного подразделения) **принимать самые важные процессуальные решения:** о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объеме обвинения, прекращении уголовного дела и направлении его в суд с обвинительным заключением².

Тем самым законодатель «низвел» российского следователя до бесправного состояния, позволив начальнику следственного подразделения диктовать ему требуемые (в т. ч., если утрировать, – то и «заказанные», а может быть, и «проплаченные») решения. Уникальность ситуации состоит в том, что УПК РФ еще до введения его в действие был подвергнут весьма серьезным изменениям и дополнениям. В частности, Законом от 29 мая 2002 года корректировке подверглись 69 статей нового УПК, что составляет 15% от их общего количества, причем соответствующие нормативные предписания УПК РФ были не только дополнены, сколько заменены или исключены, что свидетельствует об их изначальной ущербности³. Была изменена и ст. 39 УПК, посвященная начальнику следственного отдела. Старая (первоначальная) ее редакция приостанавливала исполнение несогласным следователем лишь указаний начальника следственного отдела об избрании меры пресечения и производстве следственных действий, допускаемых только по судебному решению, что практически сводило «к нулю» процессуальную самостоя-

тельность следователя, поскольку упомянутые действия и решения по уголовному делу относятся, безусловно, к тактическим, не они определяют стратегию производства по уголовному делу.

Полгода размышлений (с ноября 2001 до мая 2002 г.) подвигли законодателя к необходимости частичного возвращения следователю отобранной у него процессуальной самостоятельности, и 29 мая 2002 года в ст. 39 УПК вновь помещены прерогативы, закреплявшиеся ранее в ч. 4 ст. 127 УПК РСФСР. То есть следователь, не согласившийся с указанием начальника следственного отдела о привлечении лица в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, в случае представления прокурору своих возражений мог не выполнять до решения последнего данные указания. Однако из перечня прерогатив, традиционно составляющих ядро процессуальной самостоятельности следователя, «выпали» два главных положения: решения о прекращении уголовного дела и о направлении его в суд с обвинительным заключением. Очевидно, что именно эти решения являются определяющими исход уголовного судопроизводства, поэтому трудно переоценить их процессуальное значение.

Можно было бы посчитать это случайной технической ошибкой, если бы не публично прозвучавшая официальная позиция заместителя начальника Следственного комитета при МВД России Б.Я. Гаврилова, объяснившего, еще до принятия «майского» 2002 г. закона, «возвернувшего» следователю три из пяти обычных полномочий (см. выше), что недопущение (статьей 39 УПК РФ) приостановления указаний начальника следственного подразделения в части предъявления обвинения, его объема, квалификации преступления, прекращения дела и направления его для предания обвиняемого суду диктуется заботой о предотвращении нарушений закона и основных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. И объясняется «недееспособностью современного следственного аппарата», т. е. недостаточным профессионализмом российских следователей⁴.

Уровень профессионального мастерства следователей в последние 10-15 лет действительно резко снизился. С этим нельзя не согласиться. Однако вряд ли это может служить аргументом за лишение следователя его процессуальной самостоятельности.

В этой связи припоминается двадцатилетней давности случай из личной практики, когда мне, следователю с многолетним стажем следственной работы, начальником Следственного управления УВД настоятельно предлагалось предъявить обвинение двум подозреваемым, арестованным (с «подачи» органа дознания) в порядке ст. 90 УПК РСФСР. Представление мною (на базе вывода о недостаточности доказательств для предъявления обвинения) возражений прокурору области повлекло за собой ощутимое «силовое» (административное) давление со стороны отряда милицейских начальников. Жесткость позиции следователя, базировавшаяся на внутреннем убеждении, инициировала решение прокурора об изъятии из его производства и передаче уголовного дела другому следователю. Моделируя исход данной ситуации на базе ст.ст. 38-39 УПК РФ в начальной редакции, его можно назвать противоестественным: следователь, вопреки внутреннему убеждению, сложившемуся на основе исследования всех обстоятельств дела, на базе недостаточных (по его мнению) доказательств, обязан был бы выполнить указания начальника следственного подразделения и предъявить подозреваемым обвинение. Не надо иметь слишком богатое воображение, чтобы представить возможные «причины» формирования позиции начальника. Среди них сегодня (как, впрочем, и вчера) не исключаются: чрезмерное служебное рвение («начальство приказало»), прямой «заказ» нужного решения заинтересованными лицами и т. п. В силу этого можно позитивно оценить в исследуемом ключе «майские» 2001 г. изменения ст. 39 УПК РФ, возвратившие российскому следователю часть его процессуальной самостоятельности и тем самым – укрепившие его процессуальный статус. Вместе с тем представляется **ошибочным** решение законодателя, лишившего следователя права по своему внутреннему убе-

ждению принимать решения о прекращении уголовного дела или его направлении для предания обвиняемого суду.

Именно эти две составляющие определяют ядро процессуального статуса российского следователя, что вполне естественно. Решения о прекращении уголовного дела или его направлении для предания обвиняемого суду являются ключевыми, поскольку от них зависит судьба уголовного дела, его исход. Законодателю понадобилось почти семь лет (2001–2007 гг.), чтобы постепенно, но все же вернуться к традиционной схеме, фиксировавшей структуру процессуального статуса российского следователя (см. ст.ст. 127, 127' УПК РСФСР).

Вместе с тем в свете последних (2007 г.) изменений на досудебном уголовном производстве полномочий прокурора, начальника следственного отдела (руководителя следственного органа) и следователя возникают вопросы, в частности: оптимально ли соотношение прерогатив следователя и его начальника? В достаточной ли мере самостоятелен следователь в стратегических решениях по уголовному делу? Укреплена ли (или ослаблена) последними новшествами УПК РФ процессуальная самостоятельность российского следователя?

Анализ сегодняшней редакции ст. 37, 38, 39 УПК РФ не позволяет односложно ответить на поставленные вопросы. Понятно, что возвращение следователю права самостоятельно решать судьбу уголовного дела путем его прекращения или направления в суд укрепляет позиции следователя. Точно так же нами оценивается и почти «сто процентное» освобождение текущей следственной работы от прокурорского надзора. Однако **перераспределение прокурорских полномочий руководителю следственного органа явно не способствует укреплению процессуальной самостоятельности следователя.** Здесь, с учетом прямой служебной (административной), дисциплинарной, организационной и иной зависимости следователя от руководителя следственного органа, последний в состоянии реально диктовать следователю «нужные» решения по находящемуся в его производстве уголовному делу.

Правда, несогласный с такими указаниями следователь вправе, в соответствии с ч. 3 ст. 39 УПК РФ, обжаловать их «руководителю вышестоящего следственного органа». Однако можно с уверенностью спрогнозировать реакцию руководителя «вышестоящего следственного органа» на возражения следователя своему непосредственному начальнику. С учетом нашей ментальности, корпоративного мышления отряда руководителей следственных органов, наличия жестких субординационных отношений «вышестоящий начальник» скорее всего подтвердит решение нижестоящего.

Изложенные соображения не позволяют утверждать, что последними (2007 г.) изменениями УПК РФ однозначно укреплена процессуальная самостоятельность следователя.

Напротив, если раньше следователь, несогласный с указаниями своего начальника, мог надеяться на объективную оценку ситуации и апеллировать к прокурору, то сегодня он вынужден обращаться «по службе» к руководителю вышестоящего следственного органа, что, как нам представляется, практически бесперспективно.

Размышляя о правовом положении следователя в отечественном уголовном процессе, надо иметь в виду, что его действительная независимость – это отнюдь не фетиш, а достаточно эффективное средство объективного, полного и всестороннего расследования уголовного дела, без чего нельзя и по-

мыслить о законном и справедливом его решении.

В связи с этим можно предположить следующие варианты эффективного укрепления процессуальной самостоятельности российского следователя.

Сначала следователя нужно изъять из состава участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, освободить от процессуального и административного подчинения руководителям следственных подразделений, что предполагалось сделать, исходя из предписаний Концепции судебной реформы в Российской Федерации. Но эти меры не дадут положительного эффекта без правовой, организационной, финансовой, политической поддержки со стороны высших государственных органов. В этой связи заслуживают пристального внимания предложения об укреплении на конституционном уровне позиций российского следователя, о принятии Федерального конституционного закона «О статусе следователя в Российской Федерации» (Николюк В.В., Деришев Ю.В. и др.). Что же касается УПК РФ, то, на наш взгляд, уместно следователю, по аналогии с судом, посвятить самостоятельную главу кодекса, предусмотрев в ней полномочия следователя, гарантии его процессуальной самостоятельности, выстроить юридическую схему его взаимоотношений с судом, прокурором и органом дознания и, таким образом, четко определить статус российского следователя.

Список использованной литературы:

1. Мизулина, Е.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД РФ. – 2002. – №1 (107). – С. 147.
2. Ст. 38-39 УПК РФ в редакции Федерального закона №174 ФЗ от 18 декабря 2001 года. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. – М., 2001. – С. 24-26.
3. Николюк, В.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: полгода действия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Сборник материалов международной научно-практической конференции (7-8 февраля 2003 г.). Часть 1. – Красноярск, 2003. – С. 9-15.
4. Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемных вопросах уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Юридический консультант. – 2002. – №1. – С. 11.